

**АНДЖОЛИНИ VS КАНТ:
К ФИЛОСОФСКОМУ НАСЛЕДИЮ
ПОЛОЦКОЙ ИЕЗУИТСКОЙ
АКАДЕМИИ**

А. И. Климович¹

Движение за возрождение схоластической традиции (неосхоластика) стало ответом на ее сокрушительную критику представителями эпохи Просвещения, приведшую к разрушению традиционной метафизики и гносеологического оптимизма – двух основных столпов европейской религиозной философии. Варианты рецепции идей кантовского наследия в неосхоластике многогранны – от полного неприятия до использования для обновления философского фундамента религиозной философии. Творческое наследие Полоцкой иезуитской академии является в этом отношении одной из первых попыток осмысления идей Канта и противостояния им в рамках схоластической традиции. В связи с этим представляется актуальным определить, каким образом воспринимались программные установки учения Канта в одном из немногих сохранившихся в начале XIX в. центров иезуитской философии, располагавшихся на территории Российской империи, – в Полоцкой иезуитской академии. Предметом исследования стала попытка критического анализа идей немецкого мыслителя, предпринятая в работе «Философские наставления для учащихся Полоцкой академии» преподавателя этой академии Джузеппе Анджолини. Анджолини постоянно обращается к фигуре Канта в своих рассуждениях, усматривая в нем основного идеологического соперника. Идеи, артикулированные в «Философских наставлениях», оказали влияние на формирование философской позиции выпускников академии, которые, в свою очередь, внесли весомый вклад в становление белорусской интеллектуальной традиции. Соотношение кантовских идей и идей, воспринятых Анджолини из схоластической традиции, анализируется через осмысление использования

¹ Белорусский государственный медицинский университет, Республика Беларусь, 220016, Минск, просп. Дзержинского, д. 83.
Поступила в редакцию: 26.06.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-1-6

**ANGIOLINI VS KANT:
PHILOSOPHICAL ENDEAVOUR
AT THE POLOTSK JESUIT
ACADEMY**

A. I. Klimovich¹

The movement for the revival of the Scholastic tradition (Neo-Scholasticism) was a reaction to devastating criticism by the representatives of Enlightenment which led to the destruction of traditional metaphysics and of epistemological optimism, the two pillars of European religious philosophy. Reception of Kantian ideas in Neo-Scholasticism varied from total rejection to its use in renewing the philosophical foundation of religious philosophy. In this regard the legacy of the Polotsk Jesuit Academy was one of the first attempts to interpret Kant's ideas and confront them in the framework of the Scholastic tradition. It is therefore not irrelevant to look at how Kant's programmatic ideas were perceived at the Polotsk Jesuit Academy, one of the few centres of Jesuit philosophy that survived in the territory of the Russian Empire in the early nineteenth century. The object of this study is the attempt at a critical analysis of Kant made in the Philosophical Instructions for Students at the Polotsk Academy by the Academy's professor, Giuseppe Angiolini. Angiolini constantly refers to Kant in his reasoning and sees him as his main ideological rival. The ideas articulated in the Philosophical Instructions influenced the philosophical positions of the Academy's graduates who in turn made a tangible contribution to the development of the Belarusian intellectual tradition. The relationship between Kant's ideas and the ideas Angiolini drew from the Scholastic tradition is analysed through the use of the concepts

¹ Belarusian State Medical University. 83 Dzerzhinski ave., Minsk, 220083, Republic of Belarus.
Received: 26.06.2022.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-1-6

таких общих для обеих направлений понятий, как трансцендентальное, эмпирическое и чувственное, самоочевидные истины, общее чувство.

Ключевые слова: Кант, Полоцкая иезуитская академия, Дж. Анджолини, неосхоластика, трансцендентальное, эмпирическое, самоочевидные истины, общее чувство

Введение

Неосхоластика — направление европейской религиозной (в основном католической) философии, ставшее ответом на изменение статуса традиционной метафизики, вызванное критикой со стороны философии Просвещения. Традиционно ее возникновение относят к последней четверти XIX в. Однако недавние исследования в области истории философии позволяют утверждать, что начало этого процесса следует датировать более ранним периодом (Савинов, 2019, с. 64). В частности, одним из первых центров, оказавших влияние на развитие неосхоластической традиции, была Полоцкая иезуитская академия. В своем становлении неосхоластика была вынуждена осмысливать угрозы собственному существованию, одной из которых, по мысли многочисленных религиозных деятелей, и являлся Кант. Отношение к творческому наследию Канта в рамках схоластической традиции весьма противоречиво — от полного неприятия до рассмотрения в качестве основания для построения новой системы религиозной философии. В Полоцкой иезуитской академии в ходе становления неосхоластической традиции осмысление идей Канта нашло свое отражение в работах итальянского монаха-иезуита Джузеппе Анджолини (1747–1814), приехавшего на территорию Российской империи после запрета деятельности ордена иезуитов в Европе. Анджолини критиковал учение Канта в рамках читаемого студентам курса по началам философии в разделах логики и диалектики, практически не затрагивая метафизику. Главным предметом критики стал вопрос о соотношении эмпирического и трансцендентального в схоластической традиции и в кантовской системе.

that are common to both trends, such as the transcendental, the empirical and the sensible, self-evident truths and common sense.

Keywords: Kant, Polotsk Jesuit Academy, G. Angiolini, Neo-Scholasticism, the transcendental, the empirical, self-evident truths, common sense

Introduction

Neo-Scholasticism is a trend in European religious (mostly Catholic) philosophy in response to the change in the status of traditional metaphysics caused by critique from representatives of Enlightenment philosophy. Its origin is usually traced to the last quarter of the nineteenth century. However, recent research in the history of philosophy suggests that the process began earlier (Savinov, 2019, p. 64). One of the first centres that influenced the development of the neo-Scholastic tradition was the Polotsk Jesuit Academy. As it developed, Neo-Scholasticism had to be wary of the threats to its existence, one of which, according to many religious thinkers, was Kant. The scholastic tradition's attitude to Kant's heritage is contradictory, ranging as it did from total rejection to regarding it as the foundation of a new system of religious philosophy. At the Polotsk Jesuit Academy, in the course of the development of Neo-Scholasticism, the interpretation of Kant's ideas was reflected in the works of the Italian Jesuit monk Giuseppe (Joseph) Angiolini (1747–1814) who moved to the Russian Empire after the Jesuit Order was banned in Europe. Angiolini criticised Kantianism in his lectures on the foundations of philosophy in the chapters on logic and dialectics, hardly touching upon metaphysics. The main object of his critique was the question of the relationship between the empirical and the transcendental in the Scholastic tradition and in Kant's system.

Проблема соотношения схоластической традиции и трансцендентальной философии Канта представляет несомненный интерес, поскольку в контексте обращения к последней имела место напряженная борьба между различными направлениями в дальнейшем развитии европейской философии. Западноевропейская мысль XIX в. характеризовалась, с одной стороны, возрастающей популярностью кантовской философии и все большим признанием ее в академических кругах, а с другой — возрождением схоластической философии, которая обогатилась на протяжении рассматриваемого периода рядом интеллектуальных достижений, заимствованных у авторов других направлений Нового времени, и получила признание в качестве официальной философской доктрины католической церкви в энциклике *Aeterni Patris* (1879). Синхронность обозначенных процессов нашла отражение в работах двух противоположных по духу мыслителей — Ж. Л. Перьера «Возрождение схоластики в девятнадцатом веке» (Parrier, 1909) и Ф. Паульсена «Иммануил Кант, его жизнь и учение» (Паульсен, 1899). Ряд исследователей рассматривает философию И. Канта как предтечу католической философии модернизма, реакцией на которую и стало возрождение схоластической философии (см.: Арапов, 2015). Была также высказана точка зрения на кантовскую философию как на совокупность идей, способствовавших эрозии схоластической метафизики. В частности, М. Юнкер-Кенни раскрывает влияние кантовского поворота к субъекту на трансформацию эпистемологии европейской теологии (Юнкер-Кенни, 2021, с. 121).

Тема отношения развивающейся схоластической традиции к кантовскому наследию остается актуальной. Вместе с тем за рамками интересов исследователей сегодня оказываются сюжеты, затрагивающие вышеназванную проблематику и хронологически относящиеся к первой четверти XIX столетия. В конце XVIII в. Общество Иисуса (официальное название ордена иезуитов), поддерживавшее схола-

The problem of the relationship between the Scholastic tradition and Kant's transcendental philosophy is undoubtedly interesting because the latter was the cause of intense struggle between various trends in the further development of European philosophy. Western European thought in the nineteenth century saw, on the one hand, a growing popularity of Kantian philosophy and its growing recognition in academic circles and, on the other hand, a revival of Scholastic philosophy which during that period was enriched by a number of intellectual achievements borrowed from other modern authors and proclaimed as the official philosophical doctrine of the Catholic Church in the *Aeterni Patris* encyclical (1879). The synchronous character of the two processes referred to above was reflected in the works of two thinkers who held opposite views: *The Revival of Scholastic Philosophy in the Nineteenth Century* by J. L. Parrier (1909) and *Immanuel Kant: His Life and Doctrine* by F. Paulsen (1902). Some scholars consider Kant's philosophy to be the precursor of the Catholic philosophy of Modernism to which the revival of Scholastic philosophy was a reaction (see: Arapov, 2015). Another view is that Kant's philosophy is a totality of ideas which contribute to the erosion of Scholastic metaphysics. For example, M. Juncker-Kenny (2021, p. 121) reveals the influence of Kant's engagement with the subject on the transformation of the epistemology of European theology.

The theme of the attitude of the Scholastic tradition to Kant's heritage has not lost its relevance. At the same time, researchers have sidestepped the issues connected with the above-mentioned problems which chronologically belong to the first quarter of the nineteenth century. In the late eighteenth century the Society of Jesus (the official name of the Jesuit Order) which supported the Scholastic

стическую традицию как отдельный вид академической философии, подверглось многочисленным гонениям и официально прекратило существование в интеллектуальном пространстве Западной Европы. Однако исследователи игнорируют тот факт, что благодаря заступничеству Екатерины II иезуиты получили убежище на территории Российской империи и благополучно продолжали вести здесь академическую деятельность, осмысливая в том числе и основные идеи кантовской философии. Цель представленной статьи – восполнить данный пробел и определить, как происходило осмысление программных установок философии Канта в одном из основных центров иезуитской философии и образования на территории Российской империи – в Полоцкой иезуитской академии. Одним из ведущих источников для данного исследования выступает работа Дж. Анджелини «Философские наставления для учащихся Полоцкой академии» (*Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis*) (Angiolini, 1819), далее обозначаемая как «Философские наставления».

Степень исследованности проблемы

Феномен рецепции идей Канта в философской мысли Беларуси в разные периоды был предметом научных исследований таких белорусских авторов, как В.Ф. Шалькевич и А.А. Легчилин (Шалькевич, Легчилин, 2005), специализирующихся на XIX столетии; период XX в. охватывают научные изыскания Т.Г. Румянцевой (Румянцева, 2021). Творческий и жизненный путь Дж. Анджелини исследован польским историком философии Р. Даровским (Darowski, 2006a; Darowski, 2006b). Деятельности Полоцкой иезуитской академии посвящены работы Я.М. Гижицкого (Giżycki, 1905) и И. Кадульской (Kadulska, 2014). Наряду с анализом идей авторов, принадлежащих к направлению полоцкой неосхоластики, Шалькевич и Легчилин рассматривали творчество и других значи-

tradition as a distinct kind of academic philosophy faced persecution and officially ceased to exist in the intellectual space of Western Europe. However, scholars ignore the fact that thanks to the intercession of Catherine II Jesuits found refuge in the Russian Empire and happily continued their academic activities, including the study of the main ideas of Kantian philosophy. This article aims to fill the gap and give an account of how the programmatic principles of Kant's philosophy were interpreted in one of the main centres of Jesuit philosophy and education in the territory of the Russian Empire, at the Polotsk Jesuit Academy. One of the key sources here is the work of Giuseppe Angiolini *Philosophical Instructions for Students of the Polotsk Academy (Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis)* (Angiolini, 1819) (elsewhere *Philosophical Instructions*).

Current Status of Research into the Problem

The reception of Kant's ideas by the philosophical community in Belarus in various periods has been the subject of research by such Belorussian authors as V.F. Shalkevich and A.A. Legchilin (2005), who specialise in the nineteenth century; and the twentieth century is covered by the research of Professor T.G. Rumyantseva (2021). The life and work of G. Angiolini was studied by the Polish historian of philosophy R. Darowski (2006a; 2006b). The studies of J. M. Giżycki (1905) and I. Kadulska (2014) are devoted to the activities of the Jesuit Academy of Polotsk. Along with analysis of the authors belonging to the Polotsk Neo-Scholastic trend, Shalkevich and Legchilin also examined the work of other major figures

тельных фигур белорусского интеллектуального пространства — Иоганна Генриха Абихта (1762—1816), Анёла Довгирда (1776—1835), Яна Снядецкого (1756—1830). Следует отметить, что философские системы непосредственно представителей Полоцкой иезуитской академии — Джузеппе Анджелини и Винченца Бучиньского (1789—1853) — не были до сих пор изучены детально. Вне оптики исследований также осталось большинство реакций на философские вызовы, инициированные идеями Канта.

В.Ф. Шалькевич, в частности, установил, что предметом философской критики со стороны представителей полоцкой неосхоластики были знаковые фигуры философии Просвещения — Вольтер, Руссо, Кант и др. (Шалькевич, 1993, с. 10, 30). Однако научный анализ он осуществлял в контексте построения оппозиции между научной деятельностью представителей Виленского университета и Полоцкой иезуитской академии, что наложило определенный отпечаток на его выводы. В русле сложившейся еще в XIX в. историко-философской традиции творческое наследие авторов Полоцкой иезуитской академии рассматривается как консервативное, существовавшее в постоянном конфликте с идеями либеральной мысли, которые получили распространение в работах виленских профессоров Снядецкого, Абихта и др. (Шалькевич, Легчилин, 2005, с. 89).

Продолжателем традиции исследований рецепции кантовских идей в философии Беларуси XIX в. стал А. А. Легчилин. Он отмечает наличие интереса к работам Канта у представителей полоцкой неосхоластики (Легчилин, 2019). Вместе с тем, как и в предыдущем случае, само содержание их обращений к наследию Канта осталось в большей степени за пределами философского анализа.

Вопросы становления традиции неосхоластики в работах полоцких авторов затрагивались также А. А. Легчилиным и А. И. Климович (Легчилин, Климович, 2017, с. 6), однако проблема влияния творческого наследия Канта на идеи иезуитов также не рассматривалась

in the Belorussian intellectual space, Johann Heinrich Abicht (1762—1816), Aniol Dovgrid (1776—1835), Jan Śniadecki (1756—1830) and others. It has to be noted that the philosophical systems of immediate representatives of the Polotsk Jesuit Academy, Giuseppe Angiolini and Vincent Buczyński (1789—1853), have yet to be studied in detail. Most of the reactions to the philosophical challenges generated by Kant's philosophical ideas have also been outside the scope of research.

Shalkevich (1993, pp. 10, 30), for example, has established that Polotsk neo-Scholastics directed their critique at some of the key figures in Enlightenment philosophy, Voltaire, Rousseau, Kant and others. However, the author's analysis was framed in terms of opposition between Vilna University and the Polotsk Jesuit Academy and this left an imprint on his conclusions. The historical-philosophical tradition which took shape in the nineteenth century sees the legacy of the Polotsk Jesuit Academy as conservative, locked in constant conflict with liberal thought, promoted in the works of Vilna professors Śniadecki, Abicht and others (Shalkevich and Legchilin, 2005, p. 89).

Legchilin (2019) continues the tradition of the study of the reception of Kantian ideas in nineteenth century Belorussian philosophy. In his works he notes that representatives of Polotsk Neo-Scholasticism had an interest in Kant's work. At the same time, as in the previous case, the content of what they had to say about Kant's heritage was in large part left outside philosophical analysis.

The issues of the development of the neo-Scholastic tradition in the works of Polotsk authors have also been touched upon by A. A. Legchilin and A. I. Klimovich (2017, p. 6), but the problem of the influence of Kant's legacy on the ideas of Jesuits was also outside the

в данном исследовании. Идеологическая позиция представителей Полоцкой иезуитской академии по отношению к другим философским системам осмысливается в работе Станислава Беднарского «Упадок и возрождение иезуитских школ в Польше», но философия Канта автором не упоминается, он пишет о поиске иезуитами контраргументов применительно к идеям Лейбница, Декарта и Мальбранша (Bednarski, 1933, s. 330–331). В действительности проблемное поле интеллектуальных поисков представителей Полоцкой схоластики не ограничивается концепциями, предложенными названными философами: так, в «Философских наставлениях» Анджелини, одного из наиболее ярких и глубоких философов полоцкой традиции, Кант в качестве идейного оппонента упоминается гораздо чаще других мыслителей (Angiolini, 1819, p. 20, 62, 95, 101, 104, 244). Этот факт свидетельствует о том, что авторам, работавшим в Полоцке, немецкий философ представлялся крайне опасным идейным оппонентом. Необходимо также понимать, что Анджелини не был одинок в своей критике: с 1790 по 1820 г. в католической философии возникает движение, имевшее своей целью низвержение философии Канта (Савинов, 2021, с. 114).

Таким образом, несмотря на то что полоцкая неосхоластика частично исследовалась, вопрос места и роли идей И. Канта в трудах полоцких иезуитов до сих пор не изучен, хотя именно осмысление его наследия внесло весомый вклад в формирование облика современной католической философии.

Исторический ландшафт

Феномен полоцкой неосхоластики имеет большое значение как для изучения философской панорамы Российской империи XIX в., так и для анализа философской мысли Беларуси. Выше указывалось, что Общество Иисуса было официально упразднено в 1773 г., но на землях Российской империи орден продолжал существовать, оказав впоследствии значительное

scope of that research. The ideological position of the Polotsk philosophers vis-à-vis philosophical systems is examined in the work of Stanislaw Bednarski, *The Decline and Revival of Jesuit Schools in Poland*, but the author does not mention Kant; he writes about the Jesuits' search for counter-arguments against the ideas of Leibniz, Descartes and Malbranche (Bednarski, 1933, pp. 330-331). In reality, the focal area of the intellectual quests of the Polotsk Scholastics is not limited to the concepts proposed by these philosophers: thus in his *Philosophical Instructions* Angiolini, one of the most brilliant and profound philosophers of the Polotsk tradition, Kant is mentioned as an opponent much more often than other thinkers (Angiolini, 1819, pp. 20, 62, 95, 101, 104, 244). This shows that the authors who worked in Polotsk saw Kant as an extremely dangerous opponent. It should also be understood that Angiolini was not alone in his criticism: from 1790 to 1820 a movement emerges in Catholic philosophy with the goal of overthrowing Kant's philosophy (Savinov, 2021, p. 114).

Thus, although Polotsk neo-Scholasticism has received some attention, the question of the place and role of Kant's ideas is still unexplored, and yet the interpretation of his legacy made a tangible contribution to the shaping of modern Catholic philosophy.

The Historical Landscape

The phenomenon of Polotsk Neo-Scholasticism is important both for the study of the philosophical panorama of the Russian Empire in the nineteenth century and for the analysis of philosophical thought in Belarus. As pointed out above, the Society of Jesus was banned in 1773, but in the Russian Empire the order

влияние на формирование европейского движения неосхоластики и, в дальнейшем, официального философского учения Римско-католической церкви в XX в. — неотомизма. Таким образом, деятельность иезуитов в Российском государстве можно рассматривать как исключительное явление.

После разделов Речи Посполитой схоластическая традиция, развивавшаяся в Полоцке, оказалась в эпицентре политической и культурной жизни Российской империи. Иммигрировавшие сюда лучшие представители ордена получили полную поддержку в развитии собственной академической традиции, поскольку Екатерина II высоко ценила систему образования, построенную иезуитами (Инглот, 2004, с. 29). Среди талантливых педагогов, работавших в это время в академии в самых разных направлениях, можно назвать Гаэтано Анджелини (1748–1818), Джузеппе Анджелини (1747–1814), Юзафа Цитовича (1771–1846), Станислава Петровича (1780–1826).

Существует тенденция определения философии Полоцкой иезуитской академии как одной из версий учения аристотелевско-томистского типа (Giżycki, 1905, s. 7–8), или объективного идеализма (Блинова, 2002, с. 24). Некоторые авторы, рассматривавшие деятельность Полоцкой иезуитской академии, несколько умаляли значимость философских идей ее представителей, трактуя их упрощенно как проявление обскурантизма и противодействие прогрессу и наукам (Chmeliowski, 1883, s. 40).

Последнее вызывает некоторые сомнения, поскольку Полоцкая иезуитская академия на протяжении существования с 1812 по 1820 г. являлась научным сообществом, обеспечивавшим сохранение и дальнейшее развитие программных установок неосхоластической традиции и в целом традиции религиозной философии как в локальном, так и мировом масштабе. Специфическими чертами ее интеллектуального наследия стали мультилингвизм и мультикультурализм. Благодаря иезуитам Полоцк

continued to exist and subsequently exerted considerable influence on the formation of the European Neo-Scholastic movement and later on Neo-Thomism, the official philosophical doctrine of the Roman Catholic church in the twentieth century. Thus the activity of Jesuits in the Russian state can be seen as a phenomenon out of the ordinary.

After the partitions of Rzeczpospolita the Scholastic tradition that developed in Polotsk found itself at the epicentre of the political and cultural life of the Russian Empire. The foremost representatives of the order migrated there and received full support in the development of their own academic tradition since Catherine II had a high opinion of the education system developed by the Jesuits (Inglot, 2004, p. 29). Among the talented teachers who worked at the academy of the time in various focal areas were Gaetano Angiolini (1748–1818), Giuseppe Angiolini (1747–1814), Józef Cytowicz (1771–1846), Stanisław (Stanislaus) Piotrowicz (1780–1826), to name but a few.

There is a tendency to define the philosophy of the Polotsk Jesuit Academy as a version of the Aristotelian-Thomist type (Giżycki, 1905, pp. 7-8), or objective idealism (Blinova, 2002, p. 24). Some authors who studied the activities of the Polotsk Jesuit Academy somewhat underrated the significance of its philosophical ideas, interpreting them simplistically as a manifestation of obscurantism and opposition to progress and science (Chmeliowski, 1883, p. 40).

The latter is debatable because during the period of its existence from 1812 to 1820 it was a scientific community which preserved and further developed the programmatic principles of the neo-Scholastic tradition and, more

находился в центре пересечения многочисленных культурных и цивилизационных влияний.

Хотя хронологически полоцкая неосхоластика как направление в истории философии имеет достаточно узкие рамки, ее содержательный вклад в формирование идей религиозной философии был значительным. В данном контексте показателен пример Яна Филиппа Ротана (1785–1853) — двадцать первого главы Общества Иисуса, бывшего студентом Полоцкой иезуитской академии. Именно он принял для учебных заведений ордена иезуитов новую редакцию учебного плана *Ratio Studiorum* (Roothaan, 1832), в которой отказался от преподавания философии лишь в русле аристотелевско-томистской традиции. Ротан продвигал образовательную политику, опирающуюся на современные ему достижения философии, науки и культуры, где уделялось особое внимание гуманитарному циклу, в котором логика и диалектика рассматривались как дисциплины, способные оградить молодежь от вредных философских учений.

Дж. Анджолини и В. Бучиньский задали магистральную линию в направлении формирования неосхоластической традиции и в ее отношении к кантианской философии, что нашло отражение на протяжении последующих десятилетий XIX в. в работах известных европейских мыслителей. Так, например, основной целью «Фундаментальной философии» Хаиме Лусиано Бальмеса (1810–1848), одного из наиболее видных католических теологов XIX в., была критика кантовского учения о познании (Савинов, 2019, с. 67), сравнимая с идеями, изложенными в «Философских наставлениях» Анджолини.

В рамках схоластической традиции религиозными мыслителями были представлены различные варианты рецепции наследия великого кёнигсбержца — от полного отрицания до попыток адаптации. И все же большинство предпочитало не замечать трудностей, связанных с идеями трансцендентальной философии. Это, например, констатирует Р. В. Са-

broadly, the traditions of religious philosophy on a local and global scale. The hallmarks of its intellectual heritage were multilingualism and multiculturalism. Polotsk, thanks to the Jesuits, was at the intersection of numerous cultural and civilisational influences.

Although, chronologically speaking, the Polotsk Neo-Scholasticism as a trend in the history of philosophy was short-lived, its substantive contribution to the shaping of religious philosophical ideas was considerable. An example in point is Jan Philipp Roothaan (1785–1853), the twenty-first head of the Society of Jesus who was a student of the Polotsk Jesuit Academy. He adopted a new edition of the syllabus, *Ratio Studiorum* (Roothaan, 1832) for Jesuit schools in which he dropped the teaching of philosophy exclusively in the mainstream of the Aristotelian-Thomist tradition and promoted an education policy based on the latest achievements of philosophy, science and culture with particular attention to the humanities in which logic and dialectics were seen as disciplines capable of protecting young people from harmful philosophical doctrines.

Angiolini and Buczyński charted the main course of the formation of the neo-Scholastic tradition and its attitude to the Kantian philosophy which would be reflected in the following decades of the nineteenth century in the works of major European thinkers. Thus the main aim of *Fundamental Philosophy* (*Filosofía Fundamental*) by Jaime Luciano Balmes (1810–1848), a prominent nineteenth-century Catholic theologian, was critique of the Kantian teaching on cognition (Savinov, 2019, p. 67), comparable to the ideas set forth in Angiolini's *Philosophical Instructions*.

винов: «В течение всего XIX века отношение к Канту было отстраненным: М. Либераторе в своем гносеологическом трактате уделяет Канту всего пару страниц, заключая, что трансцендентальный идеализм — это всего лишь обратная сторона Декарта и Мальбранша» (Там же, с. 71). Представители полоцкой неосхоластики заняли в этом отношении противоположную позицию, развернув систематическую критику философии Канта, а Дж. Анджолини в академии был одним из первых, кто в рамках читаемого философского курса обратился к творчеству немецкого мыслителя.

Осмысление системы Канта было актуальным для авторов Полоцкой иезуитской академии, они достаточно часто обращались к идеям немецкого мыслителя. Рефлексия над программными установками его философии занимает важное место в «Философских наставлениях» Анджолини и в работе со схожим названием Бучиньского (Buczyński, 1843). Работа последнего представляет собой сочинение в трех томах, посвященное классическим разделам схоластической философии — логике, метафизике и этике. Оно стало итогом многолетней рефлексии автора и было опубликовано в Вене уже после того, как полоцкие иезуиты покинули Российскую империю. Оба автора пытаются «отменить» коперниканский поворот Канта, используя на страницах своих работ обширную аргументацию, имеющую главной целью противодействие распространению основополагающих концептов и идей кантовской философии.

«Философские наставления» Анджолини построены по канонам академической иезуитской философии, сформированным задолго до XIX в. Первую часть занимает логика, затем идет диалектика, далее метафизика, а венчать эту систему традиционно должна этика, но часть работы, посвященная этической проблематике, сегодня считается утраченной. Рассмотрим, как интерпретируются идеи Канта в работе Анджолини.

Within the Scholastic tradition the attitudes of religious thinkers to Kant's ideas ranged from total rejection to attempts to adapt them. The majority, however, chose to sidestep the difficulties posed by transcendental philosophy. As R. V. Savinov notes, "Throughout the nineteenth century the attitude to Kant was detached: M. Liberatore in his epistemological treatise devotes only a couple of pages to Kant and concludes that transcendental idealism is merely Descartes and Malbranche in reverse (*ibid.*, p. 71). Polotsk neo-Scholastics assumed an opposite stance, launching a systematic critique of Kant's philosophy while Angiolini was one of the first members of the Academy to include the German thinker in his philosophical course of lectures.

The study of Kant's system was considered to be relevant by members of the Polotsk Academy who frequently turned to his ideas. Reflection on the key principles of his philosophy looms large in the *Philosophical Instructions* of Angiolini and the work of Buczyński (1843) under a similar title. The latter's three-volume work is devoted to the classical parts of the Scholastic philosophy: logic, metaphysics and ethics. It summed up the results of the author's years of reflection and was published in Vienna after the Polotsk Jesuits left the Russian Empire. Both authors attempt to "cancel" Kant's Copernican turn, deploying an array of arguments aimed at stemming the spread of Kant's concepts and ideas.

Angiolini's *Philosophical Instructions* are structured according to the canons of academic Jesuit philosophy laid down long before the nineteenth century. The first part is logic, followed by dialectics and metaphysics. The crowning part was traditionally devoted to ethics, but that part is thought to have been lost. Let us look at how Angiolini interprets Kant's ideas in his work.

Критика программных установок философии Канта в контексте элементарной логики

Анджолини знакомит нас с идеями Канта в своем курсе логики буквально с первых страниц (Angiolini, 1819, p. 7–8) — в главе, посвященной вопросу о происхождении идей. Перед Анджолини стоит достаточно трудная задача: избегая трудностей крайнего идеализма и материализма, объяснить происхождение идей в соответствии с традициями аристотелевской схоластической философии, рассматривающей чувственное восприятие как начало познания, лишённое, однако, полной достоверности. Содержание главы, исследующей происхождение идей, кардинальным образом отличается от тех положений, что были выдвинуты Кантом. За основание собственной концепции Анджолини берет утверждение Дж. Локка, что в разуме нет ничего, что бы не существовало предварительно в ощущениях (Ibid., p. 7), но при этом доказывает данное утверждение вне рамок сенсуализма. Для него важно ответить на вопрос о том, каким образом сфера чувственного переходит в сферу идеального.

Проблематизация трансформации чувственного в идеальное в неосхоластике в целом и в работах Анджолини в частности не должна рассматриваться как принципиально новая тенденция, она осмысливалась уже в многочисленных работах представителей второй схоластики — Родриго де Арриаги (1592–1667), Кристофа Хаунольда (1620–1689) и др. (см.: Leinsle, 2016, p. 104). В то же время философия Канта с новым толкованием концепта трансцендентального стала вызовом устоявшейся традиции. Анджолини, будучи представителем академической философии ордена иезуитов, должен был ответить на этот вызов, предлагая варианты решений, но не выходя за границы программных установок схоластической метафизики.

Связь чувственного и интеллектуального компонентов Анджолини объясняет следующим образом:

Critique of the Programmatic Principles of Kant's Philosophy in the Context of Elementary Logic

Angiolini (1819, pp. 7-8) introduces us to Kant's ideas in his logic course practically from the opening pages in the chapter devoted to the origin of ideas. Angiolini faces a delicate task: avoiding the difficulties of extreme idealism and materialism, he has to explain the origin of ideas in accordance with the traditions of Aristotelian Scholastic philosophy, which considers sensible intuition to be the beginning of knowledge which is yet not wholly authentic. The content of the chapter devoted to the origin of ideas differs radically from the propositions put forward by Kant. Angiolini (1819, p. 7) proceeds from Locke's assertion that nothing is in the intellect that was not first in the senses, but he proves it outside the framework of sensualism. For him it is important to answer the question how the sphere of the sensible transitions into the sphere of the ideal.

The focus on the transformation of the sensible into the ideal in Neo-Scholasticism in general and in the works of Angiolini in particular should not be seen as a fundamentally new tendency, this having been the subject of numerous works by representatives of the second Scholastics such as Rodrigo de Arriaga (1592–1667), Christophe Haunold (1620–1689) and others (see: Leinsle, 2016, p. 104). At the same time, Kant's philosophy with a new interpretation of the transcendental challenged the established tradition. Angiolini, as a representative of the academic philosophy of Jesuits, had to meet the challenge by offering variants of solutions without crossing the boundaries of Scholastic metaphysics.

Angiolini explains (1819, p. 8) the link between the sensible and the intellectual in the following way:

Чувственный объект воздействует на одно из пяти наших чувств — зрение, слух или обоняние, и в их нервах возбуждается движение, пропорциональное действию. Это движение передается по нервам или посредством животных духов в мозг, где, как считается, обитает душа, и там, в соответствии с неким законом обмена, душа, возбуждаемая и определяемая движением, создает для себя представление об исходном объекте, которое соответствует такому впечатлению (Angiolini, 1819, p. 8).

Для развития «благородных истин», по его мнению, необходимо развитие телесных способностей. Таким образом, способность к сравнению, абстрагированию и рассуждению проявляется лишь с возрастом. Именно так, согласно Анджелини, должно трактоваться утверждение «Нет ничего в разуме, чего ранее не было бы в ощущениях».

Далее автор обращается к рассмотрению современных ему идеологических противников, особо выделяя Кондильяка и Канта как представителей материализма и идеализма соответственно. Идея немецкого философа о разделении истин на эмпирические и трансцендентальные неслучайно угрозу устоям не только схоластической метафизики, но и всей европейской религиозной философии. Однако ясных и точных контраргументов в отношении данного деления у полоцкого автора не наблюдается. Единственный аспект, в рамках которого Анджелини действительно обращается к наследию Канта и пытается ему противостоять, используя максимы схоластической традиции, — это проблема математических истин, трактуемых Анджелини как эмпирические. Автор фокусируется на одном из наиболее сложных вопросов современной ему философии математики — гносеологической природе математических аксиом. Полоцкому мыслителю непонятно, каким образом математические истины у Канта соответствуют критерию очевидности, и он с удовольствием указывает на этот момент,

The sensible object affects one of our five senses — sight or hearing or smell — and in their nerves excites a motion in proportion to the action. That motion is communicated through the nerves or through animal spirits to the brain where the soul is thought to reside, and there, in accordance with a certain law of exchange, the soul, roused and determined by the motion, creates for itself an idea of the original object which corresponds to such an impression.²

He believes that for the development of “noble truths” bodily faculties must be developed. Thus the ability to compare, abstract and reason only comes with age. This is how the sentence “Nothing is in the intellect that was not first in the senses” should be interpreted, Angiolini maintains.

The author then turns to contemporary ideological adversaries, singling out Condillac as a representative of materialism and Kant as a representative of idealism. Kant’s idea about the difference between empirical and transcendental truths posed a threat to the foundations not only of Scholastic metaphysics, but also of all European religious philosophy. However, the Polotsk author does not provide clear and precise arguments against such a differentiation. The only topic where Angiolini really turns to Kant’s legacy and tries to challenge him using the maxims of the Scholastic tradition is the problem of mathematical truths, which Angiolini considers to be empirical. He gives close attention to one of the most complicated issues of the philosophy of mathematics of his time, namely the epistemological nature of mathematical axioms. He does not see how mathematical truths, according to Kant, fit the

² “Afficiat e.g. Objectum sensibile aliquem e quinque sensibus nostris, oçulum v. aurem. v. nares &c. atque in eorum nervis excitet motum tali actioni proportionatum; motus iste per nervos v. spiritus animales propagatur usque ad cerebrum, ubi anima residere creditur, ibique, ex lege quadam commercii, anima hac motione velut admonita ac determinata correspondentem sibi tali impressioni effingit ideam illius objecti, a quo illa profecta est.”

определяя его как слабое место кантовской философии (Angiolini, 1819, p. 95). Сама трактовка трансцендентальных идей Кантом (B 383–385; Кант, 2006, с. 493–495) рассматривается Анджелини в качестве пути, ведущего даже не к идеализму, а к материализму; и это несмотря на то, что изначально Кант определяется Анджелини как идеалист. Даже двойственный вариант происхождения этих идей — эмпирический и трансцендентальный, по мысли полоцкого философа, не может быть приемлемым, поскольку за границами философии Канта остаются истины, которые имеют происхождение вне опыта и о которых утверждать что-либо не представляется возможным. Здесь Анджелини прибегает к помощи признанных схоластических авторитетов того времени, выступавших против Канта, в частности иезуита Якоба Антона Цаллингера (1735–1813), ссылаясь на его позицию, изложенную в сочинении «Исследования кантовской философии» (Zallinger, 1799), в качестве аргумента. Цаллингер был одним из представителей антикантовского движения в католицизме и одновременно популяризатором ньютоновской философии (см.: Kant und der Katolizismus..., 2005, S. 90).

В ходе знакомства со взглядами Анджелини возникает вопрос, насколько точно и верно он понимает кантовское деление на эмпирическое и трансцендентальное. Анализируя работы Канта, профессор Полоцкой академии трактует его идеи следующим образом: Кант «признает двоякое происхождение идей: *эмпирическими* он называет идеи, полученные, конечно, *из опыта* с помощью чувств, а *трансцендентальными* — идеи, вытекающие из природы разума без всякой связи с чувствами. В трансцендентальном он отрицает любую истину, особенно объективную, и приводит в качестве примеров таких истин Бога, человеческую душу, происхождение мира и, кроме того, идеи добродетели, порока, религии и т.д.» (Angiolini, 1819, p. 8–9, nota). Такое толкование является, безусловно, достаточно упрощенным вариантом, не соответствующим определению указанных

criterion of obviousness and gleefully marks this point as a weak spot in Kant's philosophy (*ibid.*, p. 95). Angiolini argues that Kant's description of transcendental ideas (*KrV*, B 383–385; Kant, 2006, pp. 493–495) is a path leading not even to idealism, but to materialism; and this despite the fact that initially he identifies Kant as an idealist. Even the dual character of the origin of these ideas — empirical and transcendental — is untenable, he argues, because Kant's philosophy has no room for truths that originate outside experience and about which nothing can be said with certainty. Here Angiolini invokes Scholastic authorities of his time who opposed Kant, notably the Jesuit Jacob Anton Zallinger (1735–1813), citing as an argument his position set forth in *Studies of Kantian Philosophy* (Zallinger, 1799). Zallinger was a representative of the anti-Kantian movement in Catholicism and simultaneously an advocate of Newtonian philosophy (see Littger, 2005, p. 90).

Perusal of Angiolini's views makes one wonder how accurately he understands Kantian differentiation of the empirical and the transcendental. Analysing Kant's works, Angiolini interprets his ideas in the following way: Kant "recognises the dual origin of ideas: he calls *empirical* the ideas acquired *from experience* through the senses and *transcendental* the ideas derived from the nature of reason without any link with the senses. In the transcendental he denied any truth, particularly objective truth, and he gives as examples of these GOD, the human soul, the origin of the world and, in addition, the ideas of virtue, vice, religion etc."³ (Angiolini, 1819, p. 8n–9n). This interpretation

³ Cf. "Alter duplicem originem idearum admittit: Ab experientia nimirum, quae sensibus acquiritur, easque Empiricas vocat: Et ab ipsa natura intellectus sine ulla relatione ad sensus, atque has Transcendentales nominat. Transcendentalibus nullam veritatem, praesertim objectivam voluit concedere, datque harum exempla DEUM, animam humanam, originem mundi, ac alias ideas virtutis, vitii, religionis &c."

понятий самим Кантом. Данный факт может быть объяснен тем, что в рефлексии Анджолини наблюдается смешение толкования понятия трансцендентального, принятого в схоластической традиции, и того, как оно рассматривается в «Критике чистого разума».

В истории западноевропейской философии до Канта данный термин употреблялся для обозначения предельно общих философских категорий. У немецкого мыслителя встречается новое определение понятия «трансцендентальное»: «Я называю *трансцендентальным* всякое познание, занимающееся вообще не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*. Система таких понятий называлась бы *трансцендентальной философией*» (В 25; Кант, 2006, с. 79).

Таким образом, осмысляя вопрос происхождения идей в творчестве Канта, Анджолини пользуется трактовкой концепта трансцендентального, характерной для средневековой философии в целом и схоластической традиции в частности. При этом происходит смешение идей, относящихся непосредственно к определению трансцендентального в схоластике, и вопросов, составляющих основное содержание трансцендентальной диалектики Канта.

Вторая попытка низвержения философии Канта осуществляется Анджолини в процессе исследования основ логики и связана с применением силлогизма: автор указывает на ошибки в построении философской системы Канта, принимая за основание разработанные в схоластической традиции правила чистой логики. Под чистой логикой здесь понимается часть логики, изучающая операции разума (идея, суждение, умозаключение, метод). Анджолини предлагает классическую аристотелевскую форму построения силлогизма, одновременно выделяя формы аргументации, схожие по сути с силлогизмом, но имеющие характерные отличия. В частности, к специфическим формам аргументации, по Анджолини, относится софизм, интерпретируемый им как псевдосиллогизм.

is undoubtedly simplistic and does not correspond to the definition of such concepts by Kant himself. This may be attributed to the fact that Angiolini confuses the Scholastic interpretation of the transcendental and the interpretation we find in the *Critique of Pure Reason*.

In the history of Western European philosophy before Kant this term was used to denote the most general of philosophical categories. Kant introduces a new definition of the term “transcendental”: “I call all cognition *transcendental* that is occupied not so much with objects but rather with our mode of cognition of objects insofar as this is to be possible *a priori*. A system of such concepts would be called *transcendental philosophy*” (*KrV*, В 25; Kant, 1998, p. 149).

So, examining the question of the origin of ideas in Kant’s work, Angiolini proceeds from an interpretation of the transcendental which is characteristic of medieval philosophy in general and the Scholastic tradition in particular. In the process he confuses the idea pertaining to the definition of the transcendental in Scholasticism and issues which constitute the content of Kant’s transcendental dialectics.

Angiolini’s second attempt to refute Kant’s philosophy involves the study of the foundations of logic and the use of the syllogism: he points out mistakes in the structure of Kant’s philosophical system proceeding from the rules of pure logic developed in the Scholastic tradition. By pure logic here I mean that part of logic which deals with operations of the intellect (idea, judgment, inference, method). Angiolini proposes the classical Aristotelian form of syllogism while singling out the forms of argument which are similar but not identical to syllogism. In particular, he interprets sophism as pseudo-syllogism.

In Angiolini’s opinion, sophism is similar to syllogism only in form and differs from it in that it contains errors of judgement. The error of unification occurs when concepts that have no common foundation are wrongly uni-

По мысли полоцкого философа, софизм схож с силлогизмом лишь по форме и отличается от него наличием ошибок в суждении. Ошибка соединения происходит при неравномерном объединении понятий, не имеющих общего основания. Ошибка разделения возможна, когда основанием выступает неравномерное выделение частных концептов из общих дефиниций. Распространен ошибочный перенос, или ошибка выводов, которую Анджелини называет «иллюзией трансгрессии», когда частные выводы распространяются на более общие явления или наоборот. Четвертая ошибка относится к использованию недоказуемого допущения в качестве аргумента (Angiolini, 1819, p. 60–61).

Анджелини обвиняет Канта в иллюзии трансгрессии и косвенно затрагивает проблему соотношения философии Канта и наследия Декарта, отмечая: «Подобного рода иллюзию культивирует Кант, с энтузиазмом отвергающий даже самые очевидные метафизические истины, вроде: я мыслю, следовательно, существую...» (Ibid., p. 62, nota). Для неосcholастической традиции Декарт обладает определенным авторитетом, в то время как Кант — фигура маргинальная, поскольку его идеи наносят урон всей системе схоластической философии. Идеи Канта стали мощным препятствием для ее дальнейшего развития, приведя к тому, что метафизическая тематика оказалась безоружной перед обрушившейся на нее критикой и обрела новую актуальность лишь в межвоенный период в XX в. Декарт, как известно, отказался от использования силлогизма в пользу собственного метода, однако поздние картезианцы отклонились от позиции Декарта в пользу силлогической логики, что позволило вписать идеи Картезия в философский ландшафт схоластической философии. Декарт важен для схоластики, поскольку в своем методическом сомнении он все-таки оставляет возможность построения объективной реальности, являющейся и для схоластов важным элементом онтологии, который обладает несомненным существо-

вием. The error of division may occur when the foundation is the wrong isolation of particular concepts from general definitions. A common error is transgression or the error of inferences which Angiolini calls “transgression illusion” when particular conclusions are spread to more general phenomena and vice versa. The fourth error has to do with the use of an unprovable admission as an argument (Angiolini, 1819, pp. 60-61).

Angiolini accuses Kant of “transgression illusion” and indirectly touches upon the problem of the relationship between the philosophies of Kant and Descartes. He writes: “Such an illusion is cultivated by Kant who rejects enthusiastically the most obvious metaphysical truths such as: I think, therefore I am [...]”⁴ (ibid., p. 62n). For the neo-Scholastic tradition Descartes is an authority while Kant is a marginal figure insofar as his ideas are damaging to the whole system of Scholastic philosophy. Kant’s ideas proved to be such a formidable obstacle in the way of its development that metaphysics turned out to be defenceless in the face of the searing critique and did not become relevant again until the inter-war period of the twentieth century. Descartes, of course, gave up the use of syllogism in favour of his own method; however, later Cartesians diverged from Descartes’ position and adopted syllogistic logic, which made it possible to place Descartes’ ideas in the philosophical landscape of Scholastic philosophy. Descartes is important for Scholastics because in his methodic doubt he still leaves a possibility of building an objective reality which for the Scholastics, too, is an important and undoubtedly existing element of ontology. By contrast Kant, Angiolini argues, rejects objective reality, thus undermining

⁴ “Hujusmodi illusionem committit Kantius, qui ut entusiastice rejiceret veritates Metaphysicas etiam evidentissimas, ut: cogito, ergo existo...”

ванием. Кант же, по мысли Анджелини, отказывается от объективной реальности, подрывая тем самым необходимое для всей традиции основание. Очерчивая проблему, Анджелини все же оставляет ее открытой и не предлагает для нее каких-либо существенных решений.

Таким образом, рассматривая вопросы чистой логики, Анджелини стремится показать бесперспективность использования в ней философских идей Канта. Он осуществляет критику основополагающих дефиниций его философии, полагая, в частности, что и деление на эмпирические и трансцендентальные идеи, и отказ от базовых оснований объективной реальности представляется шатким фундаментом, на котором невозможно выстроить новую философию, способную послужить альтернативой логике в схоластической традиции. Одновременно следует отметить, что Анджелини не в состоянии привести убедительные аргументы против новой, набирающей популярность философии Канта, поэтому в своей работе он лишь указывает на возможные недостатки трансцендентальной философии.

От интеллектуальной интуиции к критике математических истин

Если целью изучения элементарной логики является непосредственная истина, то в отношении диалектики можно утверждать, что это логика опосредованная, рождающаяся в процессе диспутов. Основной объект философского осмысления положений диалектики для Анджелини — это вопрос о четких критериях истины, в частности самоочевидных истин. Данный вопрос предельно актуален как для философа из Полоцкой академии, так и для всей поздней схоластической традиции, поскольку его естественным продолжением стал бы вопрос о том, является ли существование Бога самоочевидной истиной. В этом отношении в схоластической традиции четко прослеживаются два противоборствующих направления — приверженцев Дунса Скота и сторонни-

the foundation that is necessary for the whole tradition. In outlining the problem Angiolini leaves it open without proposing any substantive solutions.

Thus, in considering matters of pure logic, Angiolini is at pains to show that the use of Kant's philosophical ideas has no future. He criticises the foundational definitions of his philosophy, believing, among other things, that the differentiation between empirical and transcendental ideas and renunciation of the foundations of objective reality is a shaky ground on which to build a new philosophy which could be an alternative to logic in the Scholastic tradition. By the same token it has to be noted that Angiolini fails to put forward convincing arguments against the new surge of popularity of Kant's philosophy, so that in his work he merely points to possible shortcoming of the transcendental philosophy.

From Intellectual Intuition to the Critique of Mathematical Truths

While the aim of studying elementary logic is immediate truth, dialectics is arguably a mediated logic born in the process of dispute. For Angiolini the main object of philosophical interpretation of dialectical propositions is the question of precise criteria of truth, in particular self-evident truths. The issue is highly relevant for Angiolini and for the whole late Scholastic tradition because it naturally leads to the question whether the existence of God is a self-evident truth. In that regard the Scholastic tradition has two opposing schools of thought: the followers of Duns Scotus and the followers of Thomas Aquinas. Thomas Aquinas maintains that there are two types of self-evident judgments: self-evident in themselves, but not for us, and self-evident both in themselves and for us. "God exists" is the first type of judg-

ков Фомы Аквинского. Так, Фома Аквинский утверждает, что есть два типа самоочевидных суждений: самоочевидные сами по себе, но не для нас, и самоочевидные как сами по себе, так и для нас. «Бог существует» относится к первому типу суждений. Для Дунса Скота самоочевидное суждение таково, что, если его термины постигаются каким-либо интеллектом, истинность предложения становится известной из терминов недифференциально. По его мнению, нет никакого различия между самоочевидным положением в себе и положением по отношению к нам, потому что всякое самоочевидное в себе положение известно как таковое всякому интеллекту, даже если оно может быть неизвестно в действительности (Dvořák, 2015, p. 56). В контексте самоочевидных истин и осуществляется основополагающая критика философии Канта со стороны Анджелини.

Анджелини, будучи гносеологическим оптимистом и одновременно приверженцем учения об интеллектуальной интуиции, доказывает положение о наличии самоочевидных истин — они являются таковыми благодаря наличию особого внутреннего чувства (Angiolini, 1819, p. 88), которое обманывать не может. Кант же, как известно, отказался от концепта интеллектуальной интуиции, аргументировав свою позицию тем, что разум и рассудок, в отличие от чувственности, лишены способности созерцания и приходят к определенному знанию благодаря рассуждению. Это утверждение противоречит взглядам Анджелини, пытавшегося на основании интеллектуальной интуиции доказать существование Бога, апеллируя к общему природному чувству, характерному для всех людей (*sensus naturae communis*) (Ibid., p. 100).

Таким образом, Анджелини как один из представителей классической схоластической традиции вынужден был принять активное участие в критике философских идей Канта. Во-первых, он фокусировался на специфике математических понятий и использовании их Кантом; во-вторых, он рассматривал основные

ment. For Duns Scotus a self-evident judgment is such that if its terms are grasped by an intellect, the truth of the proposition becomes known from the terms without qualification. He argues that there is no difference between a self-evident proposition in itself and a proposition self-evident to us because any proposition evident in itself is known as such to any intellect, even if it may be unknown to reality (Dvořák, 2015, p. 56). Angiolini's critique of the Kantian philosophy is embedded in the context of self-evident truths.

Angiolini, being an epistemological optimist and an adherent of the theory of intellectual intuition, argues that self-evident truths are what they are thanks to the existence of a special inner sense (Angiolini, 1819, p. 88) which cannot deceive. Kant, of course, renounced the concept of intellectual intuition on the grounds that reason and understanding, unlike sensibility, do not have the faculty of contemplation and achieve knowledge through reasoning. This claim runs counter to the views of Angiolini who sought, on the basis of intellectual intuition, to prove the existence of God by appealing to the common natural sense characteristic of humans (*sensus naturae communis*) (ibid., p. 100).

Thus Angiolini as a representative of the classical Scholastic tradition, had to take an active part in the critique of Kant's philosophical ideas. First, he focuses on the specific features of mathematical concepts and their use by Kant; second, he considers the main programmatic principles of transcendental analytics through the above-mentioned concept of the common natural sense.

In general Kant's use of mathematics is a distinct area of study in Kant scholarship (see: Evstigneev, 2021, pp. 151-178). I. S. Kuznetsova (1980, p. 28) identifies the following aspects of

программные установки трансцендентальной аналитики через призму вышеупомянутого понятия общего природного чувства.

Обращение Канта к математике вообще является в кантоведении отдельным предметом изучения (см.: Евстигнеев, 2021). И. С. Кузнецова выделяет следующие аспекты в учении Канта, связанные с математикой: 1) специфика математических понятий; 2) статус математических суждений; 3) отношения математики и теоретического познания; 4) взаимовлияния математики и философии (Кузнецова, 1980, с. 28). Из всего перечисленного полоцкий мыслитель обращается в своей критике только к проблеме статуса математических суждений, а именно — к вопросу о том, являются они самоочевидными благодаря чувственному восприятию или умозрительности.

Проблема математических истин в начале XIX в. находилась в фокусе напряженных дискуссий. В их рамках помимо воззрений самого Канта обсуждалась позиция Г. В. Лейбница, утверждавшего, что истины математики одновременно являются и чувственно воспринимаемыми, и принадлежащими к миру идей, а также позиция Аристотеля, рассматривавшего математические истины как относящиеся к материи.

Анджолони явно тяготеет к позиции Локка, когда рассматривает математические истины как принадлежащие миру рационального и одновременно являющиеся самоочевидными: «Ибо цифры, числа, буквы и письма — не что иное, как символы, помогающие разуму в познании; действительно, взятые материально, они не могут определить никакую другую идею, кроме как посредством отдельных материальных знаков — букв или слов... но истины, скрытые под этими знаками, определяются не ими, а интеллектом посредством рассуждений и доказательств» (Angiolini, 1819, p. 95). Аргументируя свою позицию, Анджолони обращается в том числе и к философии математики Канта. К сожалению, невозможно определить точно, на какой текст немецкого философа ссылается Анджолони, поскольку он лишь

Kant's teaching connected with mathematics: 1) specific features of mathematical concepts; 2) the status of mathematical judgments; 3) the relationship between mathematics and theoretical knowledge; 4) mutual influence of mathematics and philosophy. Of the above, Angiolini in his critique singles out only the problem of the status of mathematical judgments, namely the question whether they are self-evident due to sense perception or speculativeness.

In the early nineteenth century the problem of mathematical truths was a subject of intense debate. In addition to Kant's ideas the debate concerned the position of Leibniz who claimed that mathematical truths are perceived by the senses and simultaneously belong to the world of ideas, as well as the position of Aristotle who believed that mathematical truths pertain to matter.

Angiolini obviously leans toward Locke's position in considering mathematical truths as belonging to the world of the rational and simultaneously being self-evident: "For figures, numbers, letters and writings are nothing other than symbols which help reason in cognition; indeed, taken materially, they cannot define any other idea except by means of certain material signs using letters or words; but the truths hidden beneath these signs are defined not by them, but by intellect through reasoning and proof"⁵ (Angiolini, 1819, p. 95). To bolster his position, Angiolini brings in Kant's philosophy of mathematics. Unfortunately, it is impossible to tell exactly which Kantian text Angiolini refers to because he merely mentions that "Kant, by claiming that mathematical truths are empir-

⁵ "Figurae enim, numeri, litterae, verba, scripturae non sunt nisi symbola ad mentem in cognitione iuvandam; ipsae enim materialiter sumptae nullam aliam ideam determinare possunt, nisi quorundam signorum materialium per litteras vel per verba [...]; veritates autem, quae sub illis signis latent non ab illis, sed ab intellectu per ratiocinia & demonstrationes determinantur."

упоминает, что «Кант, утверждая, что математические истины являются эмпирическими, или полученными из чувств, сводит их к простым созерцаниям *времени* и *пространства* в определенных формах. Но то, как в этом он доходит до доказательства, нуждается в большей ясности в его изложении. Ибо *универсальности*, которую ему было угодно обозначить как критерий *априорных* суждений, здесь недостаточно» (Ibid., p. 95, nota).

Критикуя Канта, Анджелини использует следующую логическую схему. Во-первых, все истины математики являются умозрительными. Во-вторых, если бы математические истины были материальными, имели эмпирическое происхождение, то они, как и любое контингентное бытие, имели бы возможность существовать или не существовать (как любой элемент тварного мира), однако они существуют для всех — следовательно, данные истины могут возникнуть лишь в процессе рассуждения и умозаключения (Ibid., p. 101, 104).

Анджелини занимает прямо противоположную Канту позицию, критикуя своего идейного оппонента за использование критерия всеобщности. Однако то, что конкретно для Анджелини является неудовлетворительным в данном критерии, остается за пределами его же исследования. Математика рассматривается Анджелини как чисто умозрительный процесс построения концептов, что отсылает к платоновской традиции, представители которой также утверждали, что математические истины существуют в мире идей.

Критика учения Канта осуществляется полемиким философом и в отношении трактовки понятия «здравого смысла», либо «общего чувства». Согласно Анджелини, общее чувство — это определенное основание, которое делает возможным существование как объективной истины, так и объективной реальности. Здесь Анджелини вынужден снова обратиться к наследию Канта, поскольку последний также рассматривает концепт *sensus communis* в качестве всеобщей оценочной способности:

ical or derived from the senses, reduces them to mere intuitions of *time* and *space* through certain forms which they have. But how in this he reaches the evidence there is need for greater clarity in his expositions. For *universality* which it has pleased him to designate as the criterion for *a priori* judgments, is here not sufficient...⁶ (ibid., p. 95n).

In criticising Kant Angiolini uses the following logical scheme. First, all mathematical truths are speculative. Second, if mathematical truths were material and had an empirical origin they could, like all contingent beings, either exist or not exist (as any element of the created world), and yet they exist for everyone, consequently, these truths may arise only in the process of speculation and inferencing (ibid., p. 101, 104).

Angiolini's position is the reverse of Kant's as he criticises his ideological opponent's use of the universality criterion. However, exactly what is wrong with this criterion is outside the scope of his research. Angiolini sees mathematics as a purely speculative process of building concepts, which harks back to the Platonic tradition whose representatives also claimed that mathematical truths exist in the world of ideas.

Angiolini's critique of Kant's teaching also targets the concept of "common sense" or "communal sense". According to Angiolini, the communal sense is something that makes possible the existence of objective truth and objective reality. Here Angiolini has to fall back on Kant's legacy since the latter sees the concept of *sensus communis* as a universal faculty of judgment:

⁶ "Kantius veritates Mathematicas dicendo esse empiricas seu a sensibus provenientes, reducit illas ad solos intuitus temporis & spatii per quasdam suas formas. At quomodo in hoc ad evidentiam pertingat, desideratur adhuc in ejus demonstrationibus major claritas; nam universalitas, quam pro criterio judicii a priori designare placuit, hic non sufficiat..."

Но под *sensus communis* надо понимать идею *общего для всех* чувства, т.е. способности выносить суждения, которая в своей рефлексии мысленно (*a priori*) принимает во внимание способ представления каждого другого, дабы собственное суждение *словно бы* считалось с совокупным человеческим разумом и тем самым избегало иллюзии, которая могла бы оказать вредное влияние на суждение ввиду субъективных частных условий, которые легко можно принять за объективные (AA 05, S. 293; Кант, 2001, с. 377).

Для того чтобы определить, каким образом осуществляется критика кантовского понимания общего чувства в творчестве Анджолини, следует уточнить, каких взглядов придерживался сам полочкий мыслитель. В конце XVIII — начале XIX в. было распространено несколько больших направлений, по-разному интерпретировавших данное понятие и восходящих к Античности. Так, у Аристотеля понятие *sensus communis* (*koinè aîsthêsis*) выполняет синтезирующую функцию по отношению к разрозненным данным чувственного восприятия. Второй вариант трактовки данного концепта принадлежит стоикам, здесь общее чувство соотносится с проблемным полем риторики, начинает связываться со сферой общественного: для Цицерона общее чувство — это приличие, то есть отсутствие неуместных действий по отношению к другим (Bayer, 2008, p. 1138). Третий вариант использования в рефлексии понятия общего чувства представлен Декартом, который рассматривает его как способность отличать истину от заблуждения (Декарт, 1989, с. 250—251). Следует упомянуть и деятельность шотландской школы здравого смысла, понимавшей здравый смысл как предустановленные положения, вложенные Богом в человеческий разум / душу («Я благодарю нашего Творца за то, что он дал мне эту веру прежде, чем открылись глаза моего рассудка, и за то, что он до сих пор дарует мне ее в качестве проводника там, где рассудок оставляет меня в потемках» (Рид, 2000, с. 289)). Кант достаточно резко выска-

By “*sensus communis*”, however, must be understood the idea of a **communal** sense, i.e., a faculty for judging that in its reflection takes account (*a priori*) of everyone else’s way of representing in thought, in order **as it were** to hold its judgment up to human reason as a whole and thereby avoid the illusion which, from subjective private conditions that could easily be held to be objective [...] (KU, AA 05, p. 293; Kant, 2000, p. 173).

In order to determine how Angiolini criticises Kant’s concept of *sensus communis* we should first clarify Angiolini’s own views. In the late eighteenth and early nineteenth centuries there were several major schools that interpreted this concept, all going back to antiquity. Thus, for Aristotle the concept of *sensus communis* (*koinè aîsthêsis*) performs a synthesising role vis-à-vis disparate data of sense perception. The second variant in interpreting this concept belongs to the Stoics, with the *sensus communis* related to the problem area of rhetoric and beginning to be linked with the social sphere: for Cicero *sensus communis* is decency, i.e. the absence of improper actions toward others (Bayer, 2008, p. 1138). The third variant in the use of the concept of *sensus communis* is represented by Descartes who interprets it as the ability to tell truth from delusion (Descartes, 1998, pp. 1-2). Mention should be made of the Scottish school of common sense which considered common sense to be propositions implanted by God in the human intellect/soul (“[...] I consider this instructive belief as one of the best gifts of nature. I thank the Author of my being who bestowed it upon me, before the eyes of my reason were opened, and still bestows it upon me to be my guide, where reason leaves me in the dark” (Reid, 1810, p. 367)). Kant had some harsh things to say about the Scottish school in the preface to his *Prolegomena* (*Prol*, AA 04, p. 258; Kant, 2004, p. 8). This could not have eluded Angiolini, especially considering that

зывался о деятельности шотландской школы в предисловии к своим «Пролегоменам» (АА 04, S. 258; Кант, 1994, с. 10). Это не могло остаться без внимания полоцкого автора, учитывая, что определение общего чувства или, другими словами, здравого смысла у Анджолини очень близко его пониманию представителями шотландской школы. Так, он определяет общее чувство следующим образом: «У всех людей есть общее чувство огромной важности по отношению к внешним объектам: в истинности этих объектов мы полностью убеждены еще до того, как получили какое-либо доказательство» (Angiolini, 1819, p. 98). Главными основаниями наличия общего чувства, присущего всем мыслящим существам, являются, по мысли Анджолини, следующие: большинство таких суждений существовало на протяжении всей истории человечества и практически у всех народов; такие общие чувства существуют уже на уровне инстинктивного поведения; если бы данные суждения были ошибочными, то ошибочной была бы и вся природа человеческого разума.

Анджолини не может оставить без внимания критику Кантом представителей шотландской школы. В связи с этим в параграфе, посвященном непосредственно рассмотрению доказательства существования общего чувства, ссылаясь именно на «Пролегомены», он также ставит Канту в вину его якобы солипсизм и подчеркивает, что, вводя понятия феномена и ноумена, Кант замыкает философию на самом себе, будучи не в силах выйти за пределы этих дефиниций (Ibid., p. 101, 104). Анджолини понимает опасность для системы схоластической философии, исходящую от критики общего чувства в работах Канта, но при этом возражений по существу он не предлагает. Очевидно, что и этот бастион кантовской философии оказался для него неприступным.

Диалектика Анджолини — это та часть его работы, в которой он предпринял максимальные усилия для низвержения философии Канта. При этом он фокусируется на вопросах самоочевидных истин и общего чувства, наибо-

his own definition of *sensus communis*, otherwise “common sense”, is very close to that of the Scottish school. For example, he defines the concept of common sense in the following way: “There is in all people a common sense concerning external objects which is of great importance. About the truth of these objects all are completely convinced, even before they possess any proof of them”⁷ (Angiolini, 1819, p. 98). Angiolini presents the following grounds proving the existence of the common sense possessed by all thinking creatures: the majority of such judgments have existed throughout human history in practically all peoples; such common feelings exist at the level of instinctive behaviour; if these judgments were wrong, the whole nature of human reason would have been wrong.

Angiolini cannot help reacting to Kant’s critique of the Scottish school. In the paragraph devoted to the proof of the existence of *sensus communis*, citing *Prolegomena*, he accuses Kant of solipsism and stresses that by introducing the concepts of phenomenon and noumenon the latter reduces philosophy to himself, being unable to move beyond his own definitions (*ibid.*, pp. 101, 104). While being aware of the threat Kant’s critique of the *sensus communis* poses for the system of Scholastic philosophy Angiolini does not present any substantive objections. Clearly, that bastion of Kantian philosophy, too, was more than a match for him.

Angiolini’s dialectics is the part of his work in which he committed all he had to overthrowing Kant’s philosophy. He concentrates on the questions of self-evident truths and *sensus communis*, the most frequent targets of Enlightenment philosophers, including Kant. Angiolini attacks the German philosopher as his main opponent. However, most of his arguments are purely rhetorical and emotional,

⁷ Cf. “Existit in omnibus hominibus sensus quidam communis de objectis externis maximi momenti, de quorum veritate omnes intime sunt persuasi, etiam antequam habeant de illis aliquam demonstrationem.”

лее часто подвергавшихся критике со стороны философов Просвещения, в том числе Канта. Именно к немецкому философу как главному оппоненту и обращается представитель полоцкой неосхоластики. Однако большинство его аргументов имеют скорее чисто риторический и эмоциональный характер, воздействуя больше на психику читателя, нежели призывая его к стройной рефлексии в контексте рассматриваемых вопросов. Так, упоминая Канта, Анджелини пишет, например, следующее: «Кант... вписав себя в таблицу ничто, хотел вписать в эту таблицу и своего Творца» (Ibid., p. 104, nota). Вместо глубокого ознакомления студентов с идеями Канта и рассмотрения наиболее уязвимых мест его философии автор отсылает к прочтению работы Цаллингера, обращаясь к нему как к наиболее авторитетному исследователю за поддержкой в критике взглядов Канта.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что в Полоцкой иезуитской академии продолжала существовать схоластическая традиция, давшая импульс дальнейшей эволюции идей, сформированных в ее лоне. В работах полоцких авторов сохранялись и развивались идеи, ставшие впоследствии фундаментом философского движения неосхоластики. Одной из ее характерных черт был поиск решений для противодействия новым философским идеям, получившим развитие в трудах представителей Просвещения, включая Канта. Таким примером может служить работа Дж. Анджелини «Философские наставления», где автор попытался провести анализ идей Канта в контексте схоластической логики и диалектики. Исследуя категорию трансцендентального в рамках анализа основных понятий элементарной логики, Анджелини совершил, как мы видели, первую попытку опровергнуть идеи немецкого философа. Однако она потерпела неудачу в связи с тем, что сам Анджелини не смог уяснить различие между категорией «трансцен-

directed at the reader's psyche rather than inviting him/her to reflect rigorously in the context of the issues at hand. Thus, mentioning Kant, Angiolini writes: "Kant [...] by inscribing himself in the table of zeros, also wished to inscribe his Author in this table"⁸ (ibid., p. 104n). Instead of giving his students a profound insight into Kant's ideas and scrutinising the most vulnerable places of his philosophy, he recommended the reading of Zallinger, seeking to enlist his support in the critique of Kant as the most authoritative scholar.

Conclusion

It can safely be said that the Polotsk Jesuit Academy carried on the Scholastic tradition which gave an impetus to further development of the ideas formed in its bosom. Polotsk authors preserved and developed the ideas which would form the foundation of the philosophical movement of neo-Scholasticism. One of its salient features was the search for solutions to counteract the new philosophical ideas promoted in the works of representatives of the Enlightenment, including Kant. A case in point is the work of Giuseppe Angiolini, *Philosophical Instructions*, in which the author attempted a critique of Kant's ideas in the context of Scholastic logic and dialectics. In the framework of the main concepts of elementary logic, we have seen Angiolini making the first attempt to refute Kant. However, the attempt failed because Angiolini himself failed to clarify the difference between the category "transcendental" as it was used within the Scholastic tradition and belonged to the intellectual sphere, and the fundamentally new meaning of this concept in Kant's philosophy.

His definition of Kant's overall philosophical position is likewise ambivalent: he claims that Kant is an idealist who denies the existence of objective reality while at the same time provok-

⁸ "Kantius [...] inscribendo se tabulae nihilorum, voluit etiam huic tabulae Auctorem suum incipere..."

дентальное», используемой в рамках схоластической традиции и принадлежавшей к сфере умозрительного, и принципиально новым значением этого понятия в философии Канта.

Неоднозначно и определение им общей философской позиции оппонента: полоцкий мыслитель утверждает, что Кант — идеалист, отрицающий наличие объективной реальности и провоцирующий в то же время своих последователей стать на путь материализма. С точки зрения Анджелини как представителя религиозной традиции это недопустимо.

В рамках диалектики основной мишенью критики Анджелини оказались кантовские понятия самоочевидных истин и здравого смысла, и здесь полоцкий автор также не учитывает новизну идей Канта.

Общую тенденцию оценки программных установок учения Канта в творчестве Анджелини можно охарактеризовать как эклектичную: немецкий философ рассматривается им одновременно и как идеалист, и как мыслитель, толкающий своих последователей к материализму. Целостный взгляд на систему Канта в работе не представлен, исследуются лишь отдельные понятия, наиболее важные для самого критика. Следует отметить и его обращение к предшествующим трудам представителей схоластической традиции, анализировавших идеи немецкого мыслителя, а также отсутствие в тексте ссылок на произведения самого Канта. В итоге можно утверждать, что в работе «Философские наставления» Анджелини критикует философские идеи Канта в том изложении, в каком они предстают в трудах представителей схоластической традиции, в частности наиболее известного католического критика идей Канта — Цаллингера, тем самым экстраполируя идеи и концепты схоластической философии на систему Канта. Таким образом, перед нами пример «иллюзии трансгрессии», или переноса, — ошибки, в которой сам полоцкий мыслитель обвинял немецкого классика. Анджелини трактует идеи Канта как часть схоластического наследия, не принимая во внимание принци-

ing his followers to embark on the path of materialism. Angiolini, being a representative of the religious tradition, considers this to be inadmissible.

On matters of dialectics the main targets of Angiolini's criticism are the Kantian concepts of self-evident truths and common sense, and there, too, he overlooks the novelty of Kant's ideas.

The general trend of Angiolini's assessment of the programmatic principles of Kant's teaching can be described as eclectic: he regards Kant simultaneously as an idealist and as a thinker who is nudging his followers toward materialism. The work lacks a holistic view of Kant's system and examines only individual concepts that are important for the critic himself. It should be noted that he turns to earlier works of the representatives of the Scholastic tradition and does not cite the works of Kant himself. On balance it is fair to say that in *Philosophical Instructions* Angiolini criticises Kant's philosophical ideas as they are rendered in the works of Scholastics, in particular of Zallinger, the best known Catholic critic of Kant's ideas, thus employing the ideas and concepts of the Scholastic philosophy on Kant's system. We are thus looking at a case of "transgression illusion", the mistake of which he accused Kant. Angiolini interprets Kant's ideas as part of the Scholastic heritage ignoring the novelty of his ideas. Even so, the significance of Angiolini, one of the first representatives of the neo-Scholastic movement who turned to Kant's philosophy, lies in the fact that he gave an impetus to the subsequent study of Kant's heritage in the work of the representatives of the Polotsk Jesuit Academy: V. Buczyński, J. Roothaan, M. S. Rylo and others.

References

Angiolini, J., 1819. *Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis*. Polock: Typis Academicis.

Arapov, A.V., 2015. Neoscholasticism: history and basic concepts. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, 3. pp. 51-58. (In Rus.)

пиальную новизну его идей. Тем не менее значение Анджелини как одного из первых представителей неосхоластического движения, обратившихся к философии Канта, состоит в том, что он дал импульс к последующему осмыслению кантовского наследия в творчестве представителей Полоцкой иезуитской академии — В. Бучиньского, Я. Ротана, М. С. Рыло и др.

Список литературы

Арапов А. В. Неосхоластика: история и основные концепции // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2015. № 3. С. 51–58.

Блинова Т. Б. Иезуиты в Беларуси (Их роль в организации образования и просвещения). Гродно : ГрГУ, 2002.

Декарт Р. Рассуждение о методе // Соч. : в 2 т. / пер. с лат. и фр. ; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.

Евстигнеев М. Д. Что такое кантовская философия математики? Обзор современных исследований // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 2. С. 151–178. doi: 10.5922/0207-6918-2021-2-6.

Инглот М. Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире / пер. А. Ковалю. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 5–151.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4.

Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кузнецова И. С. О специфике математических понятий // Кантовский сборник. 1980. Вып. 5. С. 28–38.

Легчилин А. А. Немецкая философия в интеллектуальной культуре Северо-Западного края Российской империи: историографический обзор // Национальные культуры в межкультурной коммуникации (Новая парадигма охраны культурного и природного наследия) : сб. науч. ст. по материалам IV междунар. науч.-практ. конф., Минск (11–12 апреля 2019 г.) / под ред. Т. С. Супранковой. Минск : Колорград, 2019. С. 43–50.

Легчилин А. А., Климович А. И. Идеи неосхоластики в белорусском историко-культурном пространстве // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 4–11.

Паульсен Ф. Иммануил Кант, его жизнь и учение / пер. с нем. Н. О. Лосского. СПб. : Образование, 1899.

Bayer, T.I., 2008. Vico's Principle of *Sensus Communis* and Forensic Eloquence. *Chicago-Kent Law Review*, 83(3), pp. 1131-1155.

Bednarski, S., 1933. Upadek i odrodzenie szkół jezuitkich w Polsce: studjum z dziejów kultury i szkolnictwa polskiego. Kraków: Wydawnictwo Księży Jezuitów.

Blinova, T.B., 2002. *Iezuity w Belgii. (Ich rol' w organizacji obrazovaniya i prosveshcheniya)* [Jesuits in Belarus. (Their Role in the Organization of Education and Enlightenment)]. Grodno: GrGU. (In Rus.)

Buczyński, V., 1843 *Institutiones philosophicae. Pars prima. Continens logicam cum praevia in universam philosophiam introductione*. Viennae: Typis Congregationis Mechitaristicae.

Chmielowski, P., 1883. *Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815–1823)*. Warszawa: Drukarnia artystyczna Saturnina Sikorskiego.

Darowski, R., 2006a. Giuseppe Angiolini SJ (1747–1814), profesor filozofii w Akademii Połockiej. *Forum Philosophicum*, 11, pp. 223-229. doi:10.35765/forumphil.2006.1101.14

Darowski, R., 2006b. Giuseppe (Joseph) Angiolini, S.J. (1747–1814), Professor of Philosophy at The Polotsk Academy. *Forum Philosophicum*, 11, pp. 230-233. doi:10.35765/forumphil.2006.1101.15.

Dvořák, P., 2015. Self-Evident Prepositions in Late Scholasticism: The Case of “God Exists”. *Acta Comeniana*, 27, pp. 47-73.

Descartes, R., 1998. Discourse on Method. In: R. Descartes, 1998. *Discourse on Method; and, Meditations on First Philosophy. Fourth Edition*. Translated by D. A. Cress. Indianapolis, Indiana: Hackett Publishing Company, pp. 1-44.

Evstigneev, M.D., 2021. What is Kantian Philosophy of Mathematics? An Overview of Contemporary Studies. *Kantian Journal*, 40(2), pp. 151-178. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-2-6>

Giżycki, J.M.A., 1905, *Materiały do Dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych*. Kraków: Druk. W. L. Anczyca i Spółki.

Inglot, M., 2015. *How the Jesuits Survived Their Suppression: The Society of Jesus in the Russian Empire (1773-1814)*. Edited and translated by D.L. Schlafly. Philadelphia: Saint Joseph's University Press.

Junker-Kenny, M., 2021. Watershed or Cul-de-Sac? Disputes in the Theological Reception of Kant's Philosophy. *Kantian Journal*, 40(4), pp. 121-155. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-4-5>

Kadulska, I., 2014. The Połock Academy (1812-1820): An Example of the Society of Jesus's Endurance. In: R. A. Maryks and J. Wright, ed. 2014. *Jesuit Survival and Restoration: Global History 1773-1900*. Leiden: Brill, pp. 83-98. https://doi.org/10.1163/9789004283879_007

Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла / пер. Ю. Е. Милюткина. СПб. : Алетейя, 2000.

Румянцева Т. Г. И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 127–149. doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.

Савинов Р. В. Развитие эпистемологии неосхоластики и неотомизма в 1840–1920-е гг. // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 2. С. 64–77. doi: 10.21146/2072-0726-2019-12-2-64-77.

Савинов Р. В. У истоков несхоластической трактовки кантианства: от Ч. Бальдиногги до Й. Клейтгена // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 1. С. 113-128. doi: 10.21146/2072-0726-2021-14-1-113-128.

Шалькевич В. Ф. Общественно-политическая и философская мысль Беларуси в первой половине XIX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Минск : БГУ, 1993.

Шалькевич В. Ф., Легчилин А. А. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта : тр. междунар. семинара и междунар. конф. : в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. Ч. 1. С. 87–98.

Юнкер-Кенни М. Перелом или тупик? Дебаты в рамках теологической рецепции кантовской философии // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 4. С. 121–155. doi: 10.5922/0207-6918-2021-4-5.

Angiolini G. Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis. Polock : Typis Academicis, 1819.

Bayar T. I. Vico's Principle of *Sensus Communis* and Forensic Eloquence // Chicago-Kent Law Review. 2008. Vol. 83, №3. P. 1131–1155.

Bednarski S. Upadek i odrodzenie szkół jezuickich w Polsce: studjum z dziejów kultury i szkolnictwa polskiego. Kraków : Wydawnictwo Księży Jezuitów, 1933.

Buczyński V. Institutiones philosophicae. Pars prima. Continens logicam cum praevia in universam philosophiam introductionem. Viennae : Typis Congregationis Mechitaristicae, 1843.

Chmielowski P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815–1823). Warszawa : Drukarnia artystyczna Saturnina Sikorskiego, 1883.

Darowski R. Giuseppe Angiolini S. J. (1747–1814), profesor filozofii w Akademii Połockiej // Forum Philosophicum. 2006a. № 11. P. 223–229. doi: 10.35765/forumphil.2006.1101.14.

Darowski R. Giuseppe (Joseph) Angiolini, S.J. (1747–1814), Professor of Philosophy at The Polotsk Academy // Forum Philosophicum. 2006b. № 11. P. 230–233. doi: 10.35765/forumphil.2006.1101.15.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgement*. Edited by P. Guyer, translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2004. *Prolegomena to Any Future Metaphysics*. Translated and edited by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuznetsova, I.S., 1980. On the Specifics of Mathematical Concepts. *Kantian Journal*, 5, pp. 28-38. (In Rus.)

Legchilin, A.A., 2019. German Philosophy in the Intellectual Culture of the North-Western Territory of the Russian Empire: a Historiographic Review In: T. S. Suprankova, ed. 2019. *Natsional'nyye kul'tury v mezkul'turnoy kommunikatsii (Novaya paradigma okhrany kul'turnogo i prirodnogo naslediya) [National Cultures in Intercultural Communication (A New Paradigm for the Protection of Cultural and Natural Heritage)]*. Minsk: Kolorgrad, pp. 43-50. (In Rus.)

Legchilin, A.A. and Klimovich, A.I., 2019. Idei neoskholastiki v belorusskom istoriko-kul'turnom prostranstve [Ideas of Neoscholasticism in the Belarusian Historical and Cultural Space]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*, 2, pp. 4-11. (In Rus.)

Leinsle, U.G., 2016. Ontology and Experience – Rodrigo de Arriaga and Christoph Haunold on the «Species Sensibiles». *Filosofický časopis*, Special Issue, pp. 103-118.

Littger, K.W., ed. 2005. *Kant und der Katholizismus*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Parrier, J.L., 1909. *The Revival of Scholastic Philosophy in the Nineteenth Century*. New York: Columbia University Press.

Paulsen, F., 1902. *Immanuel Kant: His Life and Doctrine*. Translated by A. Lefevre and J. E. Creighton. London: J. C. Nimmo.

Reid, T., 1810. *An Inquiry into the Human Mind on the Principles of Common Sense. The Sixth Edition*. Edinburgh: Bell & Bradtute.

Roothaan, J., 1832. *Covered letter to the revised Ratio Studiorum*. Available at: https://jesuitportal.bc.edu/research/documents/1832_roothanontheratio/ [accessed: 12. March 2022].

Rumyantseva, T.G., 2021. Kant and His Heritage in Belarusian Philosophy of Soviet and Postsoviet periods. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 127-149. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-5>

Savinov, R.V., 2019. The Rise of the Neo-Scholastic and Neo-Thomist Epistemology (1840–1920). *Filosofskii zhurnal / The Philosophy Journal*, 12(2), pp. 64-77. <http://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-2-64-77> (In Rus.)

Dvořák P. Self-Evident Prepositions in Late Scholasticism: The Case of “God Exists” // *Acta Comeniana*. 2015. № 27. P. 47–73.

Gizycki J. M. A. Materiały do Dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. Kraków : Druk. W. L. Anczyca i Spółki, 1905.

Kadulski I. The Połock Academy (1812–1820): An Example of the Society of Jesus’s Endurance // *Jesuit Survival and Restoration : Global History 1773–1900* / ed. by R. A. Maryks, J. Wright. Leiden : Brill, 2014. P. 83–98. doi: 10.1163/9789004283879_007.

Kant und der Katholizismus: Ausstellungskatalog / hrsg. von K. W. Littger. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 2005.

Leinsle U. G. Ontology and Experience – Rodrigo de Arriaga and Christoph Haunold on the “Species Sensibiles” // *Filosofický časopis*. 2016. Spec. Iss. P. 103–118.

Parrier J. L. The Revival of Scholastic Philosophy in the Nineteenth Century. N.Y. : Columbia University Press, 1909.

Roothaan J. Covered Letter to the Revised *Ratio Studiorum* [1832]. URL: https://jesuitportal.bc.edu/research/documents/1832_roothanontheratio/ (дата обращения: 12.03.2022).

Zallinger J. A. *Disquisitiones philosophiae Kantianae. Augustae Vindelicorum* : Vieth & Riegeriana, 1799. Lib. 1.

Об авторе

Анна Игоревна **Климович**, кандидат философских наук, Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: 3117135@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5555-1190>

Для цитирования:

Климович А. И. Анджелини vs Кант: к философскому наследию Полоцкой иезуитской академии // *Кантовский сборник*. 2023. Т. 42, № 1. С. 107–131.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-1-6

© Климович А. И., 2023.

Savinov, R. V., 2021. At the Origins of the Neo-Scholastic Interpretation of Kantianism: From C. Baldinotti to J. Kleutgen. *Filosofskii zhurnal / The Philosophy Journal*, 14(1), pp. 113-128. <http://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-1-113-128> (In Rus.)

Shalkevich, V. F., 1993. *Obshchestvenno-politicheskaya i filosofskaya mysl' Belarusi v pervoi polovine XIX v.: avtoreferat diss. doktora filosofskikh nauk [Socio-Political and Philosophical Thought of Belarus in the First Half of the Nineteenth Century: Summary of the Habilitation (Philosophical Sciences)]*. Minsk: BGU. (In Rus.)

Shalkevich, V. F. and Legchilin, A. A., 2005. Reception of I. Kant’s Philosophy in Belarus and Lithuania in the First Third of the 19th Century. In: V. N. Briushinkin, ed. 2005. *Kant mezhdu Zapadom i Vostokom. K 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta [Kant between West and East. On the 200th Anniversary of the Death and 280th Anniversary of the Birth of Immanuel Kant]*. Kaliningrad: Russian State University Press, pp. 87-98. (In Rus.)

Zallinger, J. A., 1799. *Disquisitiones philosophiae Kantianae*. Lib. 1. Augustae Vindelicorum: Vieth & Riegeriana.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Anna I. **Klimovich**, Belarusian State Medical University, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: 3117135@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5555-1190>

To cite this article:

Klimovich, A. I., 2023. Angiolini vs Kant: Philosophical Endeavour at the Polotsk Jesuit Academy. *Kantian Journal*, 42(1), pp. 107-131.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-1-6>

© Klimovich A. I., 2023.